

ПОЛИНА ЛЮРО
ПРОСТИТЕ, ПРОФЕССОР!

Полина Люро

Простите, профессор!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70252330

SelfPub; 2024

Аннотация

Ничто не остановит настырного, закалённого в боях с трудностями учебного процесса студента — ни строгий профессор, ни самая настоящая магия... Рассказ посвящён моим никогда не унывавшим однокурсникам.

Полина Люро

Простите, профессор!

Дмитрий Иванович, профессор известного университета, только-только начинающий седеть интересный мужчина средних лет, хорошо и со вкусом одетый, ходил около подъезда своего дома, нервно потирая руки. Ему не было холодно, какое-там! Наступило лето, которое он не любил, и, что ещё хуже — сессия. Бестолковые в своей массе студенты за несколько июньских дней уже успели вымотать ему нервы. Их знания, как обычно, колебались где-то между «плохо» и «хуже некуда». Если бы такая оценка существовала, она была у профессора Дятлова самой любимой. А уж самомнение у этих мальчишек и девчонок превосходило все допустимые границы...

Но нет, не это стало сегодня причиной его нервного состояния. Тётя Клара, откровенно его недолюбливавшая и вечно раздражавшая своими обезьяньими ужимками, вдруг вздумала умереть, и так не вовремя! Конечно, он жалел её, но где-то очень глубоко в душе. К тому же, она оставила всё своё наследство его сестре Анечке, что было вполне предсказуемо. Та, добрая душа, всегда покорно терпела тётушкины выходки и подколы. Так что дом за городом по праву теперь принадлежал ей.

Обидно было другое. У профессора на сегодня намеча-

лась встреча с симпатичной аспиранткой, а он был вынужден ехать вместе с сестрой в этот дом, чтобы забрать оттуда какие-то нужные ей документы. Будь это не Аня, а кто-то другой, Дмитрий Иванович нашёл бы способ выкрутиться, но сестру он искренне любил и ни в чём не мог ей отказать. Поэтому и нервничал, ожидая такси.

Наконец сестра приехала, и через час одуряющей духоты и раздражающих пробок они оказались за городом в маленьком домике, где старая тётушка прожила почти всю свою жизнь. Профессор жадно пил воду из заранее прихваченной из дома бутылки, пока Аня перебирала бумаги покойной. Дмитрию Ивановичу не терпелось поскорее покончить с этим делом и вернуться в город, но вредная тётя умудрилась очень хорошо спрятать бумаги, так что сестре пришлось перевернуть дом буквально вверх тормашками.

Тут-то Аня и нашла старинную книгу, бережно завернутую в шёлковую скатерть с разноцветными павлинами. Ей было некогда разбираться с этим, и она отдала книгу брату: – Дима, забери себе. Ты любишь копаться во всяком старье. Тут, кажется, что-то на латыни.

Профессор покорно кивнул и, открыв книгу, чуть её не уронил. На первом же листе был нарисован странный знак, от одного взгляда на который у Дмитрия Ивановича заныл затылок:

– Ай да тётя Клара! Оказывается, ты была ведьмой, значит, я не ошибся. Что ж, посмотрю на досуге, чем ты тут

занималась. Ворожила, наверное, и, наверняка, не бесплатно. А иначе откуда такая роскошная обстановка в убогом домишке?

Он довольно хмыкнул, и ему вдруг показалось, что нарисованный глаз на тиснёной обложке книги подмигнул. Причём два раза, как это любила делать покойная тётушка. Профессору это не понравилось, и он, быстро закрыв книгу, стал искать, во что бы её положить.

Тут очень кстати на глаза попался торчащий из-под стола старый «дипломат» с ободранными углами. Недолго думая, профессор открыл его и, высыпав на вышитую скатерть какие-то бумаги, убрал книгу внутрь. Аня ахнула:

– Вот же они, документы, лежали прямо у нас под носом в чемоданчике. Хорошо, Дима, что ты поехал со мной, иначе я бы весь день прокопалась.

Дмитрий Иваныч довольно хмыкнул и скоро уже нежился у себя дома, принимая прохладный душ, так освежавший в жаркий день рагорячённое вспотевшее тело. А ближе к вечеру сел за рабочий стол, чтобы полистать книгу тёти Клары. Снисходительно открыл её, удивлённо просматривая записи на латыни, и сам не заметил, как увлёкся.

Похоже, его тётя была не в своём уме. Она совершенно серьёзно считала себя *настоящей ведьмой*. Книга, несомненно, была написана её почерком. В ней она давала рецепты разных снадобий и заговоров, способных «погубить любого врага, наслав порчу или проклятие на весь его род».

– Бред, полная ахиня! — усмехался профессор, листая гримуар и удивлённо качая головой, — совсем старуха свихнулась. Это всё одиночество, надо было почаще её навещать...

В это время в комнату зашла жена Маша и, удивлённо подняв брови, сказала:

– Дима, к тебе там какой-то студент. Петров, кажется. Говорит, ты его приглашал...

Профессор нахмурился:

– До чего студенты обнаглели, уже и дома от них покоя нет! Этот болван сейчас у меня получит... — и он недобро хмыкнул:

– Приглашал, говорит? Ну тогда зови, я с ним *пообщаюсь*...

Маша кивнула, и через несколько мгновений в комнату зашёл довольный Петров, а ухмылка с лица Дмитрия Ивановича сползла как блин с масляной сковороды. Петров относился к самому неприятному типу студенческой братии — наглый, непробиваемый и до ужаса настырный. Забыть его было невозможно. Высокий, рыжий, с вихрастой, покрашенной зелёными пёрышками чёлкой, он уже две недели осаждал Дятлова, снова и снова пытаясь получить у него заветный допуск к экзамену.

– Простите, профессор! Я, наверное, не вовремя. Но Вы сами обещали объяснить, в чём была моя ошибка в прошлый раз. Сказали, мол, заходите, Петров, поговорим, надеюсь,

хоть на этот раз до Вас дойдёт, — и, выпалив это, он счастливо заулыбался. А у профессора, державшего в руках тётину книгу, внутри всё задрожало от гнева. Но он сдержался.

— Во-первых, Петров, я Вас к себе домой не приглашал, речь шла о кафедре. И даже в этом случае надо было предварительно созвониться со мной и договориться о встрече...

— Простите, профессор! Но Вы мобильный отключаете, и на кафедре Вас поймать невозможно. А я так мечтаю о зачёте, знаете, как я Вас уважаю... — и он устался на замученного Дмитрия Ивановича незамутнённым совестью взглядом ясных голубых глаз.

— Остановитесь, Петров. Я таких как Вы встречал уже не раз, и лестью от меня ничего добиться невозможно. Взятки — не беру, принимаю исключительно знания, при этом — хотя бы «на троечку». Просто возьмите в руки учебник, вместо того, чтобы бегать за мной, как Ромео... — сказал и нахмурился, потому что прозвучало как-то *не очень*, — садитесь на диван, раз уж пришли, подождите минуту, я сейчас закончу с книгой.

Петров тут же расположился на любимом профессорском кожаном диване и с интересом стал рассматривать кабинет. В это время профессор раздражённо вернулся к просмотру начатого им интересного отрывка на латыни, которой, к слову, он владел в совершенстве. Последняя фраза показалась ему простой абракадаброй, набором непонятных слов, и, совсем забыв, что не один, Дмитрий Иванович удивлённо по-

вторил её вслух. Петров, сам не зная почему, сделал тоже самое. Просто прозвучало прикольно...

Через мгновение в кабинете уже никого не было. Пропали и учёный, и его нерадивый, но настойчивый студент. Книга же вместо того, чтобы упасть на пол, плавно спланировала в самый центр стола, подмигнула кому-то нарисованным на обложке глазом, после чего тоже растаяла в воздухе...

Профессор не сразу понял, почему вдруг так резко похолодало. Он стоял среди огромных мусорных пакетов, коробок с объедками и пластиковых бутылок, а в воздухе витали странные, но очень привлекательные запахи. Раньше его нос никогда не различал такого количества ароматов, а сейчас — они плыли вокруг, обволакивая и неотвратимо маня к себе.

Он прикрыл глаза и, зачем-то двигая носом, пошёл прямо к самому сильному из них, доносившемуся из огромной, нависавшей над ним картонной коробки. Неужели пицца? В чём дело? Раньше Дмитрий Иванович терпеть её не мог, а сейчас просто захлёбывался слюной, так ему хотелось впитаться зубами в этот большой, хотя уже кем-то и обкусанный кусок.

Однако резкий незнакомый запах его остановил. Из-за коробки вынырнула толстая серая крыса размером чуть больше самого профессора, окинула его презрительным взглядом маленьких чёрных глаз и буркнула:

– Куда лезешь, пришлый? Это моя еда, и нечего так рот разевать, гнилые зубы застудишь! Ну что, плохо понял? То-

гда я тебе доходчиво объясню, — тут же весьма больно укусив его за плечо.

Перепуганный до полусмерти Дмитрий Иванович спрятался за другой коробкой и сидел за ней, скорчившись в три погибели, с ужасом пытаясь понять, что за страшный сон ему привиделся и как поскорее проснуться. Сильно ныло укушенное плечо, и это было странно. Холодея от дурного предчувствия, он взглянул на укус и чуть не закричал: на нём не было привычного лёгкого домашнего костюма — только покрытая шестью серая шкура...

Бедняге поневоле пришлось внимательно себя осмотреть. Никогда раньше он не видел ничего кошмарнее: профессор превратился в крысу, и окружавшие его коробки и мусорные пакеты вовсе не были огромными, просто он сам — стал маленьким... Старушечье хихиканье над ухом:

– Ну как тебе новый облик, племянничек? — заставило его пошатнуться. Последней мыслью перед тем, как потерять сознание, стала невероятная догадка:

– Это не чёртов сон — сработало сдуру произнесённое вслух заклинание из ведьминой книги...

Очнулся Дмитрий Иванович от того, что поливавшая его откуда-то сверху пенящаяся струя попала прямо в приоткрытый рот. Ощущение было ужасное — липкое и сладкое, но это сработало. Глаза профессора приоткрылись, и, отплёвываясь, он еле прошептал:

– Где я?

Тоненький, но при этом почему-то очень знакомый голосок ему ответил:

– Простите, профессор! Думаю, мы всё там же, на местной помойке. Я теперь тоже крыса, как и Вы. И что за странное у Вас хобби — так радикально менять внешность? Но я не осуждаю, ни-ни — это было прикольно, уважуха! Скорее возвращайте нас назад. До начала первого экзамена остался день, а я, несчастный, не только без зачёта, но и с голым хвостом. Впрочем, как и Вы, профессор, — и он глупо захихикал.

Застонав, Дмитрий Иванович сел и грустно посмотрел на стоящего перед ним на двух лапах светло-серого молодого крысёныша, чей отвратительный зелёный чубчик и наглые голубые глаза были ему хорошо знакомы.

– Петров! И тут без Вас не обошлось. Ладно я, по глупости, прочитал заклинание из колдовской книги моей тётушки. Вы-то зачем его повторили?

– Просто так, интересно было... — как ни в чём не бывало ответил нахальный студент, пожав плечами, — простите, профессор! Но у вас тут большая рана на плече, надо бы её промыть, — и он, без предупреждения, вылил на больное место из маленькой банки остатки кока-колы, которую ловко умудрялся держать своими крошечными цепкими лапками.

Профессор вскрикнул и рассердился, топнув ногой, чуть не наступив на собственный длинный хвост. Это его очень смутило:

– Зачёт, Петров? Больше Вас ничего не волнует? Это всё потому, что Вы — крайне легкомысленная личность. Ни во что не хотите вникать, всегда бродите «по верхам», потому и вляпались. Ну что, скажите на милость, теперь делать? — взволнованный учёный выглянул из-за коробки и, убедившись, что злобного конкурента нет поблизости, стал ходить взад-вперёд, сложив руки, ах, простите, лапки на груди.

– Вы же на четвёртом курсе, Петров, и как Вы дотянули, не могу понять...

– Я тоже, профессор. Наверное — повезло, мне доцент с кафедры говорил, что я кого-хочешь уговорю. Ну что, как насчёт зачёта?

Профессор посмотрел на студента как на сумасшедшего:

– Вы здоровы, Петров? Мы с вами — *крысы*, какой к чёрту зачёт?

Тот почесал лапой живот:

– Да, неувязочка. Но это же не страшно! Просто быстренько повторите это ваше заклинание, и мы снова станем людьми.

Профессор смутился:

– Видите ли, дело в том, что... я не могу этого сделать...

– Почему?

– Не помню. Видимо, возраст, память уже не та. Но ты же молодой, должен помнить? — в его голосе была неуверенная, почти робкая надежда.

В это время у Петрова кожа позеленела под цвет чубчика:

– Простите, профессор! Кажется, та колбаска, что я нашел неподалёку, была *не очень свежая*. Я сейчас, — и он быстро зарылся в кучу мусора.

Растерянный Дмитрий Иванович не представлял, что теперь делать. Ему было страшно на себя смотреть, особенно почему-то смущал голый хвост.

– Это выглядит так неприлично, — подумал профессор и покраснел. Тут из мусора с обрывком листа вынырнул Петров:

– Простите, профессор! Кажется, я нашел книгу, Вы же её в руках держали, когда... э... перемещали нас сюда. Сначала... хм... хотел ее использовать, а тут смотрю — латынь. Хорошо хоть сдержался, к счастью, там столько интересных журналов валялось, даже зачитался.

Дятлов в ужасе схватился за голову:

– Что за чушь Вы несёте, Петров! Давайте скорее сюда листок...

И когда неунывающий студент протянул ему найденное «сокровище», Дмитрий Иванович, внимательно взглядевшись в него, разочарованно вздохнул:

– Да, листок точно из этой книги, и почерк похож, но страница — не та. Быстро ведите меня туда, где его нашли, — на этот раз его голос решительно звенел. Студенту так и хотелось взять под козырёк:

– Да, мой генерал! — однако вместо этого Петров смутился:

– Конечно, профессор, но там, как бы это сказать — не очень хорошо пахнет...

– Плевать — главное вернуться домой...

Брезгливо зажав носы и героически преодолевая на своём пути множество неприятных препятствий, они в конце концов пробрались к книге и, найдя её, с трудом начали листать. Петров усердно помогал, впрочем, не забывая регулярно напоминать профессору о зачёте. Сосредоточившись на важной задаче, Дмитрий Иванович согласно кивнул:

– Хорошо, хорошо... Что же вы такой настырный, Петров! Если всё получится, будет вам зачёт.

Через полчаса упорных трудов нужная страница была найдена. Посмотрев друг на друга как два заговорщика, они приступили к задуманному: профессор громко прочитал заклинание, а студент послушно слово в слово его повторил. Через несколько мгновений оба оказались дома.

А там за время их отсутствия ничего не изменилось. Вот только с их «прибытием» комната наполнилась непередаваемыми запахами свалки. Тётушкина книга с оборванной страницей валялась на дорогом персидском ковре. У профессора заслезились глаза, и он снова заткнул нос:

– Петров — вон отсюда! Идите скорее к себе домой и примите душ, я тоже это сделаю, здесь невозможно дышать.

Но хмурый студент и не подумал сдвинуться с места:

– В чем дело? Вы плохо меня расслышали? — удивился Дмитрий Иванович.

– Простите, профессор, но сначала — зачёт! — и он неумолимо протянул ему зачётную книжку.

Измученный Дятлов выхватил её из рук студента, быстро расписался, и, показывая на дверь, прокричал, покрываясь пятнами гнева:

– Вон, и держите свой рот на замке — иначе на экзамен можете не приходите — завалю!

Довольный Петров убежал, подмигивая профессору и изображая на прощание, что закрывает рот на молнию.

Открыв в кабинете все окна, Дмитрий Иванович со вздохом облегчения побежал в ванную. С отвращением сняв с себя грязные вещи, засунул их в мусорный пакет и стал под душ. Он наслаждался ароматами душистого мыла и шампуня, напевая любимые мелодии. Но, вытираясь мягким полотенцем, вдруг почувствовал какое-то неудобство. Что-то было не так.

Подойдя к большому зеркалу, обернулся, замерев в ужасе — чуть пониже спины весело покачивался маленький крысиный хвостик.

В отчаянии профессор попытался его оторвать, но взвыл от боли. Он быстро оделся и бросился в кабинет, трясущимися руками наливая в бокал дорогой коньяк из хрустального графина. А потом залпом выпил его, даже не почувствовав вкуса прекрасного напитка. Дятлов утешал себя мыслями, что никто не узнает о его маленькой «неприятности». А уж он как-нибудь приспособится, в крайнем случае — суще-

ствуют же пластические хирурги... И тут понял, что не учёл одного:

– Что обо всём этом скажет Маша?